

— Князь Мин!

Телохранители императора, так же как и Мянью Я, были шокированы и, спрыгнув с лошадей, быстро подскочили к князю, окружая словно звёзды луну.

Из-за падения с коня, конечно же, всё тело болело. Он охал и стонал, пока ему помогали подняться с земли, а затем, вспомнив, как глупо он навернулся с лошади, разгневался ещё сильнее и недовольно пробурчал:

— Вы с Вашим императором вечно обижаете и притесняете выдающегося князя Мина! — после чего, задрав голову, князь посмотрел на охранников, которые, в свою очередь, испуганно смотрели на него.

— Что? — Фэн Мин, с подозрением глядя на солдат, почувствовал непонятное покалывание и как будто капавшие капли воды, что щекотали кожу. — Чего вы так на меня уставились? — И, подняв руку, князь потрогал лоб. Но неожиданно кончики пальцев коснулись чего-то влажного и тёплого. Только, когда опустил руку, Фэн Мин обнаружил, что пальцы сплошь покрыты тёмно-алой кровью.

— Ваш слуга заслуживает смерти! — в панике выкрикнул Мянью Я и тут же рухнул на колени перед князем.

— Ваши слуги заслуживает смерти! Ваши слуги заслуживает смерти! — Каждый из солдат понимал, раненый князь — это далеко не шутки. И, заметив, что Мянью Я опустился на колени, все как один, последовали его примеру, более того, охваченные страхом и ужасом, они глядели друг на друга.

Не имея при себе зеркальца, Фэн Мин не мог посмотреть на лоб и оценить, насколько серьёзна рана. А так как боли почти не было, то князь подумал, что, возможно, это обычная маленькая ранка. Телохранители же сейчас были испуганы до смерти, зато сам Фэн Мин, не придавая особого значения, небрежно махнул рукой:

— Ничего страшного, всего лишь маленькая царапина. Хм... Думаю, от неё даже и шрама не останется. — И, не удержавшись, князь снова потрогал ушибленное место.

На что телохранители тут же вскричали от страха:

— Князь Мин, осторожно!

— Не трогайте её...

Откуда князю было знать, что эти обычно спокойно убивающие людей солдаты сейчас «превратятся» в Цю Лань и близняшек, которые, увидев маленькую ранку, поднимали крик до

Небес. Закатив глаза и пожав плечами, Фэн Мин проговорил:

— Ну вот теперь вам жаль, сразу нужно было отпустить меня, а не вредить мне, позволяя упасть с лошади. Теперь видите, к чему всё это привело?

Перестав обвинять своих горе-телохранителей, Фэн Мин заметил, что звуки войны, которые словно сотрясали землю и всколыхнули горы, уже стихли. Лишь небольшие причитания кучки раненных солдат и предсмертные крики лошадей доносились из ущелья.

Всё кончилось? Так скоро?

Поспешно обернувшись, Фэн Мин увидел, что и впрямь, пламя факелов не дрожало так сильно, густой, липкий запах крови, доносящийся неподалёку, стал несколько редким из-за предрассветного дыхания горного ветра, а рядовые солдаты, покрытые кровью с ног до головы, поднимали горевшие факелы, словно убирая поле боя.

Где Жун Тянь?

Вытянув шею, охваченный волнением Фэн Мин оглядывал пространство, высматривая императора, и только, когда уже хотел было сделать шаг, путь ему тотчас же перегородили Мянъ Я вместе с другими охранниками, не позволяя пройти.

— Князь Мин, прошу, позвольте Вашему подчинённому перевязать рану Вашей Светлости.

— Мне нужно пойти посмотреть где Жун Тянь!

— Государь вскоре, наверняка, сам подойдёт, а там, в ущелье, всё залито кровью и повсюду клинки, слишком опасно. Так что князю Мину всё же лучше остаться здесь.

В их словах звучала вежливость, однако, судя по лицам, на компромисс охрана не собиралась идти. Во всяком случае великая битва уже окончилась, да и создавать ещё больше проблем без того перепуганной охране тоже не стоило, потому князю ничего не оставалось, как непринуждённо приказать одному охраннику:

— Ты пойдёшь поможешь мне выяснить обстановку на поле боя, и заставь Жун Тяня, как можно скорее прийти. Мне ещё надо с ним поквитаться за то, что он бросил меня здесь.

После чего, повинувшись воле Мянъ Я, князь уселся на землю, скрестив ноги, и позволил себя перебинтовать.

Он думал, если битва закончилась, то Жун Тянь, наверняка, скоро придёт. К его удивлению прошло немало времени, а императора Силэй всё не было, даже тени его не появилось,

охваченный нетерпением князь невольно поднялся с места и в очередной раз поглядел на дорогу, где совсем недавно разгоралась война.

Похоже, после того, как закончился бой, все солдаты перебрались на другую сторону дороги. Вдалеке раздавалось лошадиное ржание, а сами солдаты ухаживали за ранеными товарищами. Ночь никак не хотела уходить с предрассветного неба, закрывая собою пространство. К слову сказать, не только она, но и отвесные скалы также служили препятствием и мешали разглядеть всю картину произошедшего, и сколько бы Фэн Мин не старался, ему всё равно виднелись размытые силуэты войска.

«Госпожа Яое и господин Сяо... то есть матушка и отец наверняка уже присоединились к тем двум войскам». — Думал Фэн Мин.

Но вот наконец-то вернулся стражник, которого только что отправляли на поиски Жун Тяня. Увидев князя, мужчина доложил:

— Его Величество сказал, что пока не может прийти, так как нужно разобраться с последствиями войны. К тому же люди господина Сяо поймали вражеского генерала и как раз его допрашивают. Прошу князя Мина остаться здесь и никуда не ходить. — Тут мужчина слегка замялся и приглушённо добавил: — Его Величество в ярости, поэтому я пока не осмелился ему доложить, что князь Мин свалился с лошади.

Князь внезапно испугался:

— Из-за чего он в ярости? Неужели... неужели Ле-эра...

— Нет, с ним ничего не случилось. Его несерьёзно ранили, на войне сложно избежать этого. Сейчас он вместе с государем допрашивает пленного.

От этих слов у Фэн Мина словно камень с души свалился, но, немного успокоившись, князь вновь спросил:

— А Жун Тянь ранен, нет?

— Государь непревзойдённый герой, не ранен, только доспехи окропились вражеской кровью, а на теле ни царапины.

— Тогда почему же он в ярости? — с изумлением спросил Фэн Мин.

На что мужчина лишь покачал головой:

— Ваш подчинённый понятия не имеет, но лицо его крайне страшное. Ваш подчинённый не

осмелился много задавать вопросов.

— Жо Яня поймали, нет?

— Ваш подчинённый тоже не знает, — снова покачал головой охранник.

Фэн Мин начал почёсывать затылок.

Засада, переросшая в бой, прошла успешно, с Ле-эром всё в порядке, единственное, что могло разозлить Жун Тяня, то, вероятно, это побег Жо Яня.

Совсем недавно Жун Тянь хвалился, говоря, что сегодня ночью никому не удастся покинуть это место, но в итоге позволил сбежать самому главному врагу — Жо Яню. Разумеется, сейчас Жун Тянь в ярости, так как считает, что потерял лицо.

Неожиданно, стало неловко показаться на глаза...

Чем дольше молодой мужчина находился на престоле, тем тяжелее становилась императорская аура. Однако никто даже подумать не мог, что государь может не только править страной, но и быть таким милым и любящим человеком.

При таких мыслях на лице Фэн Мина расцвела задумчивая улыбка, а настроение заметно улучшилось. Снова набравшись терпения, князь сел на землю, скрестив ноги, и, выщипывая траву, стал кормить опустившего голову коня. Мянъ Я, как и остальные охранники императора, не осмелились отходить от Фэн Мина, и тоже сели, скрестив ноги, вокруг Его Светлости.

Необычно послушные лошади, устав за эту ночь, тоже старались не уходить далеко. Они мирно паслись возле своих хозяев и, опустив головы, тихо щипали траву.

На рассвете небо изменилось очень быстро. Ещё недавно небосвод был затянут ночным шлейфом, но лучи света, словно следуя за Хуньдунем[1], внезапно появились из-за горизонта и в мгновение ока ночное небо окрасилось в светло-серый.

Трава зелёным ковром тянулась к подножию гор туда, где под отвесными скалами росло несколько старых деревьев. Оранжевые лучи солнца медленно озаряли вершины восточных холмов, словно горный пейзаж, нарисованный бледной тушью, внезапно одним взмахом кисти оживился, став ярче. И если бы не вид страдающих и мёртвых солдат, оставшихся после битвы, перед глазами, то этот волшебный момент мог бы с лёгкостью поднять настроение и заставить душу петь.

Будучи по характеру не терпеливым, князь, когда рассвело, вновь поднялся с места и, обернувшись кругом, так кстати заметил идущую вдалеке Цю Юэ.

— Цю Юэ! — боясь, что его не увидят, Фэн Мин, подняв руки, стал махать служанке.

Услышав голос господина, девушка ускорила шаг и, приблизившись к князю, прошептала:

— Князь Мин, после войны осталось много дел, которые ещё нужно решить государю, потому он приказал мне прийти сюда и поухаживать за Вами. Князь Мин проголодался? — говорила она, свесив голову, но, подняв взгляд, служанка тихо вскрикнула: — Что с Вашим лбом?

Но Фэн Мин, не придавая значения, коснулся лба, который сейчас был перебинтован марлей, и, смеясь, ответил:

— Пустяки, неосторожно свалился с коня и как раз на лежащий камушек.... Ха, чего это у тебя глаза красные? — с удивлением уставился на Цю Юэ.

— Ничего. — Однако служанка выглядела немного растерянной, и, покачав головой, девушка добавила: — Правда ничего... — помолчав немного, девушка, словно понимая, что неприемлемо так вести себя, вновь поспешно прошептала, объясняя: — Стоит вспомнить, что Цай Цян последует за госпожой Яое, мне становится очень грустно. — Слова ещё не прозвучали до конца, а Фэн Мин уже двумя пальцами поднял её подбородок.

И робкий взгляд служанки тут же столкнулся с подозрительным взглядом господина.

— Зачем лжёшь? — Будучи далеко не идиотом, князь, заметив, что Цю Юэ недоговаривает, разве мог не насторожиться? Вспоминая недавний разговор с охранником, Фэн Мин уже начал догадываться, что здесь какое-то смехотворное недоразумение.

С таким развязным характером, коим обладал Жун Тянь, как можно было стесняться показаться на глаза только из-за того, что не поймал Жо Яня?

Но сердце внезапно пропустило удар.

Случилось что-то серьёзное?

Что хотят от меня скрыть...

Нахмутив полные отвагой брови, Фэн Мин, оглянувшись, с осторожностью посмотрел на сторожившего Мян Я и остальных так же сидящих рядом солдат, вспоминая, что Жун Тяня, который после сражения уже должен был вернуться, всё ещё нет. Неужели...

Чем больше князь думал, тем страшнее ему становилось, руки и ноги сковало холодом. Дрожа всем телом, князь обернулся и, подойдя к только что вернувшемуся от Жун Тяня охраннику, схватил за грудки, приподнимая над землёй и строго спрашивая:

— Не ты ли сказал, что император Силэй в безопасности, что не ранен?

Рослый охранник, подвергшись такому допросу со стороны Его Светлости, опешил и на мгновение обомлел.

— С ним... что-то случилось, и теперь он хочет, чтобы вы это скрыли от меня, не так ли? — Увидев, что ему не ответили, князь ещё больше засомневался, а на фразе «не так ли» его губы неожиданно мелко задрожали.

Только тогда охранник наконец-то отреагировал и, спешно замахав руками, покачал головой:

— Нет, князь Мин, наверняка, ошибается. Государь в добром здравии и невредим.

На что Фэн Мин заорал:

— Повтори ещё раз и поклянись Небесами!

— Ваш подчинённый клянётся, что государь нисколько не ранен!

— Тогда почему он не показывается мне на глаза?

— Это... это из-за того, что государю ещё нужно уладить оставшиеся дела, как он сказал...

Алые губы стали мертвенно-бледными. Выслушав охранника, князь вновь посмотрел на Цю Юэ, после чего выпустил несчастного мужчину из рук и, повернувшись кругом, проговорил:

— Уладить оставшиеся дела... Что ж, ему незачем идти, так как я сам отправлюсь к нему.

Но стоило ему сделать шаг, как Мянью Я и другие телохранители, зашуршав, немедленно поднялись с мест.

— Князь Мин, пожалуйста, не ходите туда! — в один голос закричали как охранники, так и Цю Юэ.

В этот момент даже такой наивный человек, как Фэн Мин, почувствовал неладное, настолько неладное, что вынуждало всех стать препятствием на пути князя, не позволяя последнему увидеться с Жун Тянем.

Тем временем Мянью Я вместе со своими солдатами, обладавшие отличными боевыми

навыками, уже перегородил ему путь, давая понять, ему не прорваться сквозь них, князь обернулся, и, схватив почти плачущую Цю Юэ, спросил:

— Что всё-таки случилось? Цю Юэ, прошу, ответь мне честно.

— Князь Мин... — Пальцы господина с силой сжимали хрупкое запястье служанки. От нестерпимой боли горячие слёзы тотчас же сорвались с ресниц и обожгли нежную кожу. — Князь Мин... мне... мне нельзя Вам рассказывать.

Тревога ещё сильнее охватила душу:

— Почему нельзя? Живо отвечай!

Девушка уже была близка к тому, чтобы всё рассказать, но в решающий момент замялась и в итоге не проронила ни слова.

Чем больше Фэн Мин спрашивал, тем больше Цю Юэ плакала и всё время качала головой:

— Нет... нет... — А на лице застыла печаль.

Князь топнул ногой:

— Что «нет»? Цю Юэ, ты не хочешь мне говорить... Ах... — Слова прервались, князь внезапно тихо вскрикнул, и, схватившись за лоб, мягко повалился назад.

— Князь Мин! — испуганно вскрикнули Мянъ Я вместе с охраной и, расторопно[2] один за другим бросившись к князю, крепко схватили, не дав последнему рухнуть на землю.

Цю Юэ опустилась на колени, в лице несчастной служанки не было ни кровинки, и, утешающе глядя князя по груди, девушка дрожащим голосом проронила:

— Князь Мин, не нужно пугать ваших слуг, скорее очнитесь...

Князь, которому только сейчас лёгкое прикосновение сдавило грудь, на самом деле не терял сознания, однако, спустя короткое время, он специально медленно открыл глаза, и, найдя взглядом Цю Юэ, с горькой улыбкой блёкло отозвался:

— У меня, почти умирающего человека, есть время пугать тебя?

Князь понимал, что произошло нечто серьёзное, отчего страх когтистыми пальцами сжал сердце, кожа вмиг стала белой, служа доказательством его искренности.

Все говорили, что ничего страшного не произошло — план удался, а Жун Тянь цел и невредим, тогда что ещё могло случиться?

Цю Юэ заботилась о здоровье Фэн Мина так, как не заботилась о себе. Девушка суетилась[3], помогая князю проверить лоб, и, смахивая слёзы, постепенно прекратила плакать. Но, опустив взгляд, Цю Юэ всё так же продолжала хранить молчание.

Фэн Мин тоже молчал, неподвижно глядя на Цю Юэ, с желанием во чтобы то ни стало узнать правду.

В итоге, не одолев его «скорбной тактики», Цю Юэ сдалась и, слегка приоткрыв алые губы, крайне нерешительно прервала нависшую тишину:

— Это государь запретил нам говорить...

— Что именно запретил говорить?

Цю Юэ внезапно замолкла.

На что князь, взяв рукав служанки, слегка подёргал, привлекая внимание Цю Юэ, после чего прошептал:

— Можешь мне рассказать. Я не хочу чувствовать себя дураком из-за всех этих тайн.

Опустив низко голову, девушка слегка одёрнула руку.

— Люди господина Сяо Цзуна, блокировавшие пути к отступлению, отвечали за поимку сбежавшего вражеского генерала.

Услышав имя отца, Фэн Мин напрягся.

Неужели тот, называющийся лучшим в мире мастером меча и зовущий себя «отцом», бессердечный мужчина неожиданно «потерял передние подковы»[4] и с ним в самый разгар нападения что-то случилось?

Фэн Мин затаил дыхание, боясь, что девушка сообщит плохие вести.

— Им удалось пленить генерала, командующего засадой, — и девушка тихо добавила: — Которым оказался генерал Тун.

«Выплюнув» выдох, князь не вытерпел и зароптал:

— Цю Юэ, тебе немного нравится мучить. Не нужно было этого скрывать, я чуть не умер от страха[5] — после недолгого молчания князь вновь спросил, не скрывая заботы: — Скажи, а господин Сяо... Он не ранен?

Цю Юэ покачала головой.

— А госпожа Яое, Цай Цян, Ле-эр, Цю Син? С ними всё хорошо?

На этот вопрос девушка кивнула.

Князь вздохнул с облегчением, и, дважды хохотнув, приободрился:

— Поскольку всё хорошо, то я готов выслушать и другие новости. Откровенно расскажи мне, что знаешь, и не переживай, я выдержу. Скажи, что заставило вас всех так напрячься? — И князь по дружески похлопал Цю Юэ по плечу.

Такое поведение Фэн Мина всегда забавляло как Цю Юэ, так и остальных слуг, однако сейчас оно не вызвало никаких эмоций. Девушка с трудом выдавила улыбку, но это «радостное» выражение было ещё ужаснее слёз, Цю Юэ, словно боясь встретиться со взглядом князя, опустила голову и, глядя на траву, продолжила:

— Его Величество, допросил генерала Туна. И он рассказал, что этот план придумали Жо Янь вместе с молодым господином Туном. Однако в этой засаде Жо Янь не принимал участия.

— М-м! — специально, чтобы успокоить Цю Юэ, князь даже бровью не повёл и с равнодушным спокойствием проговорил, кивнув: — Об этом я уже и сам догадался. Ведь Жо Янь такой хитрый, мы воспользовались возможностью убить его, уже счастье, но даже если этого не произошло, не стоит огорчаться. — А в душе подумал всё о том же: «Крайне скверное место, только Жо Яня не удалось поймать, но таким образом ему больше не требуется себя скрывать».

От этих мыслей словно создался маленький мыльный пузырь в голове, который при лёгком уколе лопнул, выпустив страх, что немедленно заполнил беспокойством душу и окатил тело холодом.

Фэн Мин задумался, а от улыбки не осталось и следа:

— Жо Янь всегда смотрит на Жун Тяня, как за смертельную угрозу, более того он тщательно спланировал такую потрясающую ловушку, тогда почему лично не принял участия в ней? Неужели он узнал, что Жун Тяню удалось разгадать его коварный замысел? — И тут князь перевёл взгляд на Цю Юэ.

В глазах служанки скрывалась невыразимая печаль, случайно встретившись со взглядом Фэн Мина, девушка тотчас же отвела взор, и, покачав головой, сказала:

— Нет, Жо Янь ведь не знает, что князь Мин догадался о его пробуждении, поэтому сейчас, наверное, предполагает, что государь лично отправился в устроенную им засаду. Князь Мин, взгляните на эту ужасную местность, если бы государь заранее не подготовился, то люди генерала Туна нас уже давно убили бы. Можно сказать, мы были на волоске от смерти.

Хоть Цю Юэ утешила, сказав, что всё не так уж и плохо, Фэн Мина не покидало какое-то странное чувство, а сам князь, понизив тон, спросил:

— Тогда куда же подевался Жо Янь? Если эта засада была важна для него, то он мог бы лично принять в ней участие. Если, конечно, у него не возникло дел поважнее, чем бой с Жун Тянем.

Цю Юэ поразились, услышав слова господина, которые словно задели за живое, причиняя горечь и страдания, отчего служанка, закрыв рукавами глаза, тихо заплакала.

Князь Мин больше не осмелился торопить девушку. Держа в руках мелко дрожащую руку Цю Юэ, он не решительно заговорил сам с собой:

— Неужели он... возглавил другое войско? Не-неужели он... — И неподвижно поглядел на близняшку.

В этот момент даже собственные руки начали непроизвольно дрожать.

Цю Юэ, похоже, уже не могла больше сдерживаться и, кинувшись в объятия Фэн Мина, горько разрыдалась:

— Очень опасно нападать на столицу ночью, чтобы спасти матушку-императрицу. Жо Янь думал, что государь не возьмёт с собой князя Мина в эту опасную вылазку. Генерал Тун рассказал, что Жо Янь, возглавив другое войско, покинул Ли и, воспользовавшись шансом, решил напасть на наш лагерь...

Услышав это, Фэн Мин вытаращил глаза:

— То есть Жо Янь думал, что я останусь в лагере?!

Жо Янь, этот ужасный человек, предпочёл отказаться от засады на заклятого врага — императора Силэй, только, чтобы напасть на лагерь и забрать его, князя Мина?

Холодок пробежал по спине.

— Жун Тянь забрал из лагеря своих лучших солдат, — бормотал Фэн Мин, стараясь унять холод, охвативший тело, медленно задыхался от ужаса. — Отборные войска Силэй, люди Сяо Цзуна, люди наследного принца Юн И... Даже большая часть охраны Мэй Цзи — все они здесь.

Губы резко побелели, словно выпавший снег, а голос князя стал заметно тише:

— Мэй Цзи, третья принцесса, Бо Лин, Жун Ху, они... они все сейчас беззащитны и не смогут оказать сопротивления. — И тут он растерянно взглянул на Цю Юэ. — Там же ещё и Цю Лань...

Уже давно знавшая об этом Цю Юэ, услышав слова Фэн Мина, почувствовала, как вздрогнуло сердце, и слегка кивнула. В этот момент напоминавшие жемчуг слёзы сорвались с ресниц и обожгли нежную кожу.

— Если Жо Янь нападёт на лагерь, то увидев, что там нет ни одного солдата, сразу поймёт — его план раскрыт. Если в лагере не найдёт меня, то наверняка придёт в ярость, — твёрдо произнеся всего лишь несколько слов, князь внезапно изменился в лице и неожиданно вскочил с земли. — Жо Янь уничтожит всех, изливая гнев! Нельзя этого допустить, нам нужно срочно вернуться! Мне нужно увидеться с Жун Тянем!

На что Цю Юэ крепко схватила и, не отпуская рукав его платья, выпалила:

— Князь Мин, не уходите! Государь сказал, что не отправится спасать их.

Фэн Мин яростно сказал в ответ:

— Если не вернёмся их спасти, то обречём всех на смерть! — И тут князь кое-что понял, и задрожал, словно испугавшись, после чего острым взглядом обвёл всех слуг, — Так поэтому вы мне ничего не говорили, ожидали пока всех их там перебьют?

Получив взбучку от господина, Цю Юэ отпустила рукав, и, закрыв лицо руками, горько заплакала.

Развернувшись, князь уже хотел было идти к Жун Тяню, но Мянъ Я, слегка двинувшись, снова преградил путь:

— Князь Мин...

На что сам Фэн Мин, взглянув на мужчину, процедил:

— Я не стану мешать тебе, а ты — мне! Так что в сторону! — Хоть боль сдавливала сердце, а голос звучал низко и хрипло, однако выглядел князь на удивление крайне угрожающе.

Мянъ Я, как и все, опешил от подобного, после чего обменялся взглядом с сотоварищами.

С нынешним положением князя, кроме Жун Тяня, у кого ещё хватило бы смелости силой

удерживать его? Более того, тайна была раскрыта, так какой смысл чинить препятствие?

Видя, что Мянью Я ничего не говорит, Фэн Мин просто обошёл телохранителя и зашагал дальше.

Поколебавшись немного, все слуги отошли, не пытаясь остановить князя, они смотрели, как он спешно удаляется от них. Но стоило господину отдалиться на чжан, как слуги тихо последовали за ним, охраняя.

Бой был окончен, но, несмотря на это, в воздухе всё равно витал сладковатый запах крови. Сама же тёмно-красная жидкость пропитала собой землю, словно хотела, чтобы этот чудесный оттенок сохранился на века.

После сражения три группы войск вместе со своими скакунами собрались на противоположной стороне дороги. Солдаты приводили себя в порядок после кровопролитной битвы: кто-то из солдат сидел, отдыхая, кто-то крепко спал, устроившись на коленях боевых друзей, кто-то перебинтовывал раненых, кто-то ел и кормил уставших лошадей, ну а кто-то по-прежнему продолжал тихо сжимать меч, неся ответственность за охрану.

Ночью, когда все отправлялись в это ущелье, никто из солдат не позаботился взять с собой хотя бы одну палатку, поэтому сейчас Жун Тянь, главнокомандующий, сидел на большом камне под открытым небом и прямо под скалами. Его глаза были закрыты, казалось, что император о чём-то глубоко задумался.

Вокруг Его Величества, примерно в четверти чжана, затаив дыхание и сохраняя спокойствие, стояли императорские телохранители. Никто и помыслить не мог в это время потревожить покой государя, а в лесном воздухе, что был насквозь пропитан запахом как крови, так и победы, чувствовалось напряжение.

Несмотря на внешнее спокойствие государя, все телохранители ощущали огромное давление, исходящее от императора и царившее повсюду. Даже дерзкий и непокорный горный ветер и тот, подчинившись этой подавляющей ауре, не посмел встревожить дыхание императора Силэй.

Чтобы добраться до Жун Тяня, Фэн Мину пришлось пройти через препятствия в виде постов, которые возникали у него на пути около четырёх-пяти раз.

Охранники, узнав князя и заметив, что последний не в духе, старались не связываться с ним и охотно давали пройти, даже не задавая лишних вопросов.

В итоге, пройдя все препятствия, Фэн Мин наконец-то добрался до своей цели и сейчас неподвижно стоял перед Жун Тянем.

— Значит Цю Юэ тебе уже всё рассказала? — уголки рта слегка дрогнули, а сам император Силэй, по-прежнему не открывая глаз, горько улыбнулся, но спустя мгновение улыбка исчезла со строгого лица, которое было словно вырезано резцом. Открыв глаза, молодой мужчина внезапно нахмурился. — Что с твоим лбом?

— Оставьте мой лоб в покое! — дал волю гневу князь и крайне редким строгим тоном проговорил: — Жун Тянь, нам нужно вернуться!

— Куда вернуться?

— В лагерь. Ведь там нет ни одного солдата. И если мы сейчас же не отправимся к ним на помощь, то их там точно уничтожат.

От взгляда императора Силэй веяло холодом, а голос был блёклым:

— Оттого, что мы отправимся их спасать, они разве выживут?

Примечания:

[1] Хуньдунь — мифологическое существо, воплощение хаоса

[2] В оригинале фраза звучит как «проворные руки и быстрый глаз» обр. в знач.: быстрый, расторопный, проворный.

[3] В оригинале фраза звучит как «руки заняты и ноги путаются» обр. в знач.: действовать бессистемно, суетиться, торопиться.

[4] Вся фраза звучит как «лошадь потеряла передние подковы» в знач. неприятность, возникшая из-за недочета или невнимательности.

[5] В оригинале фраза звучит как «сердце поднялось, а желчный пузырь повис» обр. перепугаться, прийти в панику; душа в пятки ушла; сердце замерло, дрожать от страха

<http://bllate.org/book/13377/1190181>